

Посвящение

1

Боб Саути! Ты — поэт, лауреат
И представитель бардов, — превосходно!
Ты ныне, как отменный тори, ат-
тестован: это модно и доходно.
Ну как живешь, почтенный ренегат?
В Озерной школе все, что вам угодно,
Поют десятки мелких голосов,
Как «в пироге волшебном хор дроздов;

2

Когда пирог подобный подают
На королевский стол и разрезают,
Дрозды, как полагается, поют».
Принц-регент это блюдо обожает.
И Колридж-метафизик тоже тут,
Но колпачок соколику мешает:
Он многое берется объяснять,
Да жаль, что объяснений не понять.

3

Ты дерзок, Боб! Я знаю, в чем тут дело:
Ведь ты мечтал, с отменным мастерством
Всех крикунов перекричав умело,
Стать в пироге единственным дроздом.
Силенки ты напряг довольно смело,
Но вмиг на землю сверзился потом.
Ты залететь не сможешь высоко, Боб!
Летать крылатой рыбе нелегко, Боб!

4

А Вордсворт наш в своей «Прогулке» длительной —
 Страниц, пожалуй, больше пятисот —
 Дал образец системы столь сомнительной,
 Что всех ученых оторопь берет.
 Считает он поэзией чувствительной
 Сей странный бред; но кто там разберет,
 Творенье это — или не творенье,
 А Вавилонское столпотворенье!

5

Да, господа, вы в Кезике своем
 Людей получше вас всегда чурались,
 Друг друга вы читали, а потом
 Друг другом изощренно восхищались.
 И вы сошлись, естественно, на том,
 Что лавры вам одним предназначались.
 Но все-таки пора бы перестать
 За океан озера принимать.

6

А я не смог бы до порока лести
 Унизить самолюбие свое, —
 Пусть заслужили вы потерей чести
 И славу, и привольное житье.
 В акцизе служит Вордсворт — всяк при месте;
 Ваш труд оплачен — каждому свое.
 Народ вы жалкий, хоть поэты все же
 И на парнасский холм взобрались тоже.

7

Вы лаврами скрываете пока
 И лысины и наглость, но порою
 Вы все-таки краснеете слегка.
 Нет, я вам не завидую; не скрою —
 Я не хотел бы вашего венка!
 Притом ведь лавры получают с бою:
 Мур, Роджерс, Кэмбел, Крабб и Вальтер Скотт —
 Любой у вас всю славу отобьет.

8

Пусть я с моею музой прозаичной
 Хожу пешком — а ваш-то конь крылат!
 Но да пошлет вам Бог и слог приличный,
 И славу, и сноровку. Как собрат,
 Я воздаю вам должное — обычный
 Прием, которым многие грешат! —
 Едва ль, на современность негодую,
 Хвалу потомков этим заслужу я.

9

Но тот, кто лавры хочет получить
 Лишь от потомства, должен быть скромнее:
 Он сам себе ведь может повредить,
 Провозгласив подобную идею.
 Порой эпоха может породить
 Титана, но как правило — пигмеи
 Все претенденты. Им, читатель мой,
 Один конец — Бог ведает какой!

10

Лишь Мильтон, злоязычьем уязвленный,
 Вывал к возмездью Времени — и вот,
 Судья нелицемерный, непреклонный,
 Поэту Время славу воздает.
 Но он не лгал — гонимый, угнетенный,
 Не унижал таланта, ибо тот,
 Кто не клеветает, кто не льстит, не гнется,
 Всю жизнь тираноборцем остается.

11

О, если б мог восстать, как Самуил,
 Он, сей старик, пророк, чей голос властный
 Сердца монархов страхом леденил!
 О, если б он воскрес, седой и страстный!
 Глаза слепые он бы обратил
 На злобных дочерей. Но и несчастный
 Не льстил бы он ни трону, ни венцу,
 И не тебе, моральному скопцу,

12

Преступник Каслрей — лукавый, ловкий,
 Ты холеные руки обагрил
 В крови Ирландии. С большой сноровкой
 Ты в Англии свободу придушил.
 Готовый на подлейшие уловки,
 Ты тирании ревностно служил,
 Надетые оковы закрепляя
 И яд, давно готовый, предлагая.

13

Когда ты говоришь парадный вздор,
 И гладкий и пустой до омерзенья,
 Лстецов твоих — и тех смолкает хор.
 Все нации с усмешкою презренья
 Следят, как создает словесный сор
 Бессмысленного жернова круженье,
 Который может миру доказать,
 Что даже речь способна пыткой стать.

14

Гнусна твоя бездарная работа:
 Одно старье латать, клепать, чинить.
 Всегда страшит твоих хозяев что-то,
 И это — повод нации душисть.
 Созвать конгресс пришла тебе охота,
 Чтоб цепи человечества скрепить.
 Ты создаешь рабов с таким раденьем,
 Что проклят и людьми и провиденьем.

15

Ну, что о сущности твоей сказать?
 Имеешь ты (или, верней, Оно)
 Две цели: удушать и угождать.
 Кого и как — такому все равно:
 Привык он, как Евтропий, услужать.
 В нем, правда, есть достоинство одно —
 Бесстрашие, но это уж не смелость,
 А просто чувств и сердца омертвелость.

16

Куда бы я глаза ни обратил,
Везде я вижу цепи. О Италия!
Ведь даже римский дух твой погасил
Сей ловкий шут, презренная каналия!
Он ранами Ирландию покрыл,
Европа вся в кровавой вакханалии,
Везде рабы и троны, смрад и тьма,
Да Саути — их певец, плохой весьма.

17

Но, сэр лауреат, я все ж дерзаю
Сей скромный труд тебе преподнести.
Особой лести я не обещаю —
Я ближе к вигам и всегда почти
Цвет желто-голубой предпочитаю.
До ренегатства мне не дорасти,
Хоть без него живется многим худо —
Тем, кто не Юлиан и не Иуда...

Песнь первая

1

Ищу героя! Нынче что ни год
Являются герои, как ни странно.
Им пресса щедро славу воздает,
Но эта лесть, увы, непостоянна:
Сезон прошел — герой уже не тот.
А посему я выбрал Дон-Жуана:
Ведь он, наш старый друг, в расцвете сил
Со сцены прямо к черту угодил.

2

Хок, Фердинанд и Гренби — все герои,
И Кемберленд-мясник и Кепшел тут;
Они потомством Банко предо мною,
Как пред Макбетом, в сумраке встают,
«Помет одной свиньи», они толпою
По-прежнему за славою бегут,
А слава — даже слава Бонапарта —
Есть детище газетного азарта.

3

Барнав, Бриссо, Дантон, и Кондорсе,
Марат, и Петсион, и Лафайет —
Вот Франция во всей своей красе,
(А все-таки забывчив праздный свет.)
Жубер и Ош, Марсо, Моро, Дезэ —
Смотрите-ка: им просто счету нет!
Недавно их венчали лавры славы,
Но не приемлют их мои октавы.

4

Наш Нельсон — сей британский бог войны
 Достоин славы гордого угара,
 Но вместе с ним давно погребены
 И лавры и легенды Трафальгара.
 Нам силы сухопутные нужны,
 И моряки встревожены недаром:
 Великих адмиралов имена
 Забыл король, забыла вся страна!

5

И до и после славного Ахилла
 Цвели мужи, не худшие, чем он,
 Но песнь поэта нам не сохранила
 Ни славы их, ни доблестных имен.
 И потому мне очень трудно было
 В тумане новых и былых времен
 Найти героя вовсе без изъяна —
 И предпочел я все же Дон-Жуана!

6

Гораций говорил, что «*medias res*»¹
 Для эпоса — широкая дорога.
 Что было раньше, волею небес
 Поэт потом покажет понемногу,
 Влюбленных приведя под сень деревьев,
 В пещеру или к пышному чертогу,
 За ужином, в саду или в раю —
 Где он посадит парочку свою.

7

Таков обычный метод, но не мой:
 Мой метод — начинать всегда с начала,
 Мой замысел и точный и прямой,
 В нем отступлений будет очень мало.
 Начну я просто первую главой
 (Каких бы мне трудов она ни стала).
 Я вам хочу подробно описать
 Отца и мать героя, так сказать.

¹ «Середина дела» (лат.).

8

В Севилье он родился. Город, славный
 Гранатами и женщинами. Тот
 Бедняк, кто не был в нем, — бедняк подавно.
 Севилья лучшим городом слывет.
 Родители Жуана благонравно
 И неизменно жили круглый год
 Над речкою, воспетой целым миром
 И называемой Гвадалкивиром.

9

Его отец — Хосе, понятно, «дон»,
 Идальго чистокровный, без следа
 Еврейско-маврской крови, — был рожден
 От грандов, не робевших никогда.
 Не всякий граф, маркиз или барон
 Был на коне так ловок, господа,
 Как дон Хосе, зачавший Дон-Жуана,
 Зачавшего (об этом, впрочем, рано)...

10

Его мамаша столь была умна,
 Такими отличалась дарованьями,
 Что повсеместно славилась она
 И всех ученых затмевала знаньями.
 Их честь была весьма уязвлена,
 И затаенной зависти стенаньями
 Отметили они наперебой
 Инесы превосходство над собой.

11

Творенья Лопе вдоль и поперек
 И Кальдерона знала эта дама:
 Когда актер припомнить роль не мог,
 Она ему подсказывала прямо.
 Добро бы ей Финэгл в том помог:
 Но сам Финэгл, позабыв рекламу
 И лавочку прикрыв, глядел, дивясь,
 Как у Инесы память развилась.

12

Она имела ум математический,
 Держалась величаво до жеманности,
 Шутила редко, но всегда аттически,
 Была высокопарна до туманности,
 Чудила и морально и физически
 И даже одевалась не без странности:
 Весною в шелк, а летом в канифас —
 Все это бредни, уверяю вас!

13

Она латынь (весь «Pater noster»¹) знала
 И греческие буквы превзошла,
 Французские романчики читала,
 Но одолеть прононса не могла.
 Родным испанским занималась мало;
 В ее речах царила полумгла,
 Ее сужденья на любые темы
 Являли теоремы и проблемы...

14

Еврейский и английский языки
 Инеса без труда постигла тоже:
 Она считала, что они «близки»
 И в некоторых случаях похожи.
 Читая песнопенья и стихи,
 Она вопрос обдумывала все же —
 Не одного ли корня, что «Эдем»,
 Известное британское «god damn»?²

15

Она была живое поученье,
 Мораль и притча с головы до ног,
 И походила в этом отношенье
 На Ромили: он был ужасно строг,
 Когда судил чужие прегрешенья,
 А сам себе советом не помог:
 Самоубийцей став сентиментальным,
 Провозглашен был просто ненормальным.

¹ «Отче наш» (лат.).

² «Черт побери» (англ.).

16

Как миссис Триммер книжки поучительные,
 Как Эджуорт ожившие романы,
 Как Целебса супруга умильная,
 Она была моральна и жеманна.
 Едва ли в ней черту предосудительную
 Нашла бы даже зависть. Как ни странно,
 Она была вот тем-то и страшна,
 Что всех пороков женских лишена.

17

Она настолько нравственной была
 И к слову искушенья непреклонной,
 Что ангела-хранителя могла
 Освободить от службы гарнизонной.
 Точнее были все ее дела
 Хронометров завода Гаррисона.
 Я б мог сравнить ее высокий дар
 С твоим лишь маслом, дивный Макассар!

18

Она была бесспорно совершенна, —
 Но к совершенству свет и глух и нем.
 Недаром прародители вселенной
 Хранительный покинули Эдем:
 Они в раю (скажу вам откровенно)
 И целоваться не могли совсем!
 А дон Хосе, прямой потомок Евы,
 Любил срывать плоды с любого древа.

19

Хосе, беспечный смертный, не любил
 Речей мудреных и людей ученых,
 Куда хотел и с кем хотел ходил,
 Не замечая взоров возмущенных;
 Но за его поступками следил
 Синклит ханжей, клеймить пороки склонных,
 И *двух* его любовниц называл,
 Хотя *одна* — и то уже скандал!

20

Инеса, несомненно, знала цену
Своим высоким и моральным качествам,
Но и святая не снесет измены
И даже может отказаться начисто
Бороться с чертом; кротости на смену
Тогда приходят разные чудачества,
А коль святая станет ревновать,
То тут супругу уж несдобровать.

21

Совсем нетрудно справиться с женщиной,
Коль он неосторожен и не прав:
Он хочет ускользнуть с невинной миной,
Но тут его хватают за рукав.
Он следует за гневной «половиной»,
Она ж, во утвержденье дамских прав,
Хватает веер, а в руке прелестной
Он хуже всякой плетки, как известно.

22

Мне очень, очень жаль, что за повес
Выходят замуж умные девицы.
Но что же делать, если бедный бес
Ученым разговором тяготится?
(Я ближних соблюдаю интерес,
Со мной такой ошибки не случится;
Но вы, увы, супруги дам таких,
Признайтесь: все под башмачком у них!)

23

Хосе нередко ссорился с женою.
Дознаться, «почему» и «отчего»,
Пытались все друзья любой ценою,
Хоть это не касалось никого.
Злословия порой всему виною!
Но я вполне свободен от него:
Супругов я улаживаю ссоры,
Но сам-то я женюсь весьма не скоро.

24

Я пробовал вмешаться. Я имел
 Отличные намеренья, признаться,
 Но как-то я ни разу не сумел
 До них ни днем, ни ночью достучаться:
 Дом словно вымер, словно онемел.
 Один лишь раз (прошу вас не смеяться!)
 Жуан случайно среди бела дня
 Ведро помоев вылил на меня.

25

Он был похож на юркую мартышку —
 Хорошенький, кудрявый, озорной.
 Родители любили шалунишку,
 И только в этой прихоти одной
 Они сходились. Надо бы мальчишку
 Учить и жучить, но они со мной
 Советоваться вовсе не хотели
 И портили сынишку как умели.

26

Итак — я не могу не пожалеть —
 Супруги жили плохо и уныло,
 Мечтая каждый рано овдоветь.
 Со стороны, однако, трудно было
 Их внутреннюю распрю разглядеть:
 Они держались вежливо и мило,
 Но вот огонь прорвался, запылал —
 И явно обнаружился скандал.

27

Инеса к медицине обратилась,
 Стремясь *безумье* мужа доказать,
 Потом она с отчаянья пустилась
 Его в *дурных инстинктах* упрекать,
 Но все-таки ни разу не решилась
 Прямые доказательства назвать:
 Она считала (так она твердила),
 Что честно перед Богом поступила.

28

Она вела старательно учет
Его проступкам; все его записки
Цитировать могла наперечет
(К шпионству души любящие близки).
Все жители Севильи круглый год
Инесе помогали в этом сыске:
Уж бабушка на что стара была —
А ведь и та чего-то наплела!

29

Инеса созерцала без волненья,
Подобно женам Спарты прошлых лет,
Казнимого супруга злоключенья,
Надменно соблюдая этикет.
От клеветы и злобного глумленья
Несчастный погибал, а льстивый свет
В ее великолепном равнодушии
С восторгом отмечал великодушие.

30

Прощаю осторожное терпенье
Моим друзьям, которые молчат,
Когда по мере сил и разуменья
Вокруг меня завистники кричат;
Юристы не такое поведенье
Названьем «malus animus»¹ клеймят:
Мы мстительность пороком полагаем,
Но если мстит другой — не возражаем.

31

А если наши старые грешки,
Украшенные ложью подновленной,
Всплывут наружу, — это пустяки:
Во-первых, ложь — прием традиционный,
К тому же господа клеветники
Увлечены враждой неугомонной,
Не замечают, что из года в год
Шумиха только славу создает.

¹ «Злой умысел» (лат.).

32

Сперва друзья пытались их мирить,
И родственники думали вмешаться.
А я, уж если правду говорить,
Советовал бы вам не обращаться
Ни к тем и ни к другим. Большую пруть
Явили и законники, признаться,
В надежде гонораров. Только вдруг —
Скончался неожиданно супруг!

33

Скончался. Умер. О его кончине
Жалели горячо и стар и млад
По той весьма естественной причине,
Что рассуждать о ближнем всякий рад.
Мне намекал юрист в высоком чине:
Процесс-то был скандалами богат.
Любители острот и диффамаций
Лишились самой лучшей из сенсаций.

34

Он умер. Вместе с ним погребены
И сплетни, и доходы адвоката:
Любовницы пошли за полцены,
Одна — еврею, а одна — аббату.
Дом продан, слуги все разочтены,
И, как ни принял свет сию утрату,
Оставил он разумную жену
Его грехи обдумывать — одну.

35

Покойный дон Хосе был славный малый —
Могу сказать: его я лично знал, —
Он образ жизни вел довольно шальной,
Но я его за то не осуждал:
Он был горяч, игра его пленяла,
И страсти он охотно уступал.
Не всем же жить в таком унылом стиле,
Как Нума, именуемый Помпилий!

36

Но, какова бы ни была цена
Его грехам, он пострадал довольно,
И вся его искуплена вина.
Подумайте, ему ведь было больно,
Что жизнь его и честь осквернена
Женой и светской чернью сердобольной.
Он понял — кроме смерти, для него
Уже не останется ничего.

37

Он умер, не оставив завещанья,
И стал Жуан наследником всего —
И сплетен, и долгов, и состоянья,
А маменька почтенная — его
Опекуном. Такое сочетание
Ролей не удивило никого:
Единственная мать уже по чину
Надежный друг единственному сыну.

38

Умнейшая из вдов, немало сил
Инеса приложила и старания,
Чтоб сын ее семьи не посрамил,
Которою гордилась вся Испания.
Жуан, как подобает, изучил
Езду верхом, стрельбу и фехтование,
Чтоб ловко проникать — святая цель —
И в женский монастырь, и в цитадель.

39

Инеса постоянно хлопотала
И очень беспокоилась о том,
Чтоб воспитанье сына протекало
Отменно добродетельным путем:
Руководила и во все вникала
С большим педагогическим чутьем.
Жуан отлично знал науки многие,
Но, боже сохрани, — не биологию!

40

Все мертвые постиг он языки
 И самые туманные науки,
 Которые от жизни далеки,
 Как всякий бред схоластики и скуки;
 Но книжек про житейские грешки
 Ему, конечно, не давали в руки,
 И размноженья каверзный закон
 Был от его вниманья угаен.

41

Трудненько было с классиками им:
 Ведь боги и богини резво жили
 И, не в пример испанцам молодым,
 Ни панталон, ни юбок не носили.
 Педантов простодушием своим
 Смущали и Гомер, и сам Вергилий;
 Инеса, что совсем не мудрено,
 Боялась мифологии давно.

42

Мораль Анакреона очень спорна,
 Овидий был распутник, как вы знаете,
 Катулла слово каждое зазорно.
 Конечно, оды Сафо вы читаете,
 И Лонгин восхвалял ее упорно,
 Но вряд ли вы святой ее считаете.
 Вергилий чист, но написал же он
 Свое «Formosum pastor Corydon»¹.

43

Лукреция безбожие опасно
 Для молодых умов, а Ювенал,
 Хотя его намеренья прекрасны,
 Неправильно пороки обличал:
 Он говорил о ближних столь ужасно,
 Что просто грубым слог его бывал!
 И наконец, чей вкус не оскорбляло
 Бесстыдство в эпиграммах Марциала?

¹ «Пастух Коридон к красавцу» (лат.).

44

Жуан, конечно, классиков зубрил,
 Читая только школьные издания,
 Из коих мудрый ментор удалил
 Все грубые слова и описанья.
 Но, не имея смелости и сил
 Их выбросить из книги, в примечанья
 Их вынес, чтоб учащиеся вмиг
 Их находили, не листая книг.

45

Как статуи, они стояли рядом,
 Казалось, педагогика сама
 Их выстроила праздничным парадом
 Для юного пытливого ума,
 Покамест новый ментор мудрым взглядом
 Их не пошлет в отдельные дома,
 По разным клеткам, строчкам и куплетам,
 Где место им назначено поэтом.

46

Фамильный требник их украшен был
 Картинками, какими украшали
 Такие книжки. Но излишний пыл
 Художники при этом допускали:
 Не раз глазком молящийся косил
 На многие занятные детали.
 Инеса этот требник берегла,
 Но Дон-Жуану в руки не дала.

47

Читал он поученья, и гомилии,
 И жития бесчисленных святых,
 Отчаянные делавших усилия
 Для обузданья слабостей своих
 (Их имена известны в изобилии).
 Блаженный Августин, один из них,
 Своим весьма цветистым «Искушеньем»
 Внушает зависть юным поколеньям.

48

Но Августина пламенный рассказ
 Был запрещен Жуану: этим чарам
 Поддаться может юноша как раз.
 Инеса, осторожная недаром,
 Обычно с сына не спускала глаз,
 Служанкам доверяла только старым, —
 Что и при муже делала она.
 Сия метода женская умна!

49

Итак, мой Дон-Жуан все рос да рос,
 В шесть лет — прелестный мальчик, а в двенадцать
 Мог, если ставить правильно вопрос,
 Уже прелестным юношей считаться.
 Конечно, он не знал греховных грез
 И был способен много заниматься:
 Все дни он проводил, покорен, тих,
 В кругу седых наставников своих.

50

В шесть лет он был ребенок очень милый
 И даже, по ребячеству, шалил;
 В двенадцать приобрел он вид унылый
 И был хотя хорош, но как-то хил.
 Инеса горделиво говорила,
 Что метод в нем натуру изменил.
 Философ юный, несмотря на годы,
 Был тих и скромн, будто от природы.

51

Признаться вам, доселе склонен я
 Не доверять теориям Инесы.
 С ее супругом были мы друзья;
 Я знаю, очень сложные эксцессы
 Рождает неудачная семья,
 Когда отец — характером повеса,
 А маменька — ханжа. Не без причин
 В отца выходит склонностями сын!

52

Я сплетничать не буду, но сказать
 Хочу со всею честностью моею:
 Когда б хотел я сына воспитать
 (А я его, по счастью, не имею!),
 Не согласился б я его отдать
 В Инесин монастырь; всего скорее
 Послал бы я мальчишку в пансион,
 Где попросту учиться мог бы он.

53

Там все-таки, скажу без хвастовства я,
 Как следует учили нас, ребят.
 Я греческие буквы забываю,
 Но многое я помню — *verbum sat!*¹ —
 И многое отлично понимаю.
 Я, в сущности, конечно, не женат,
 Но сыновей возможных воспитание
 Обдумывал как следует заранее.

54

В шестнадцать лет молодой испанец наш
 Был строен, ловок, хорошо сложен;
 Догадлив и умен почти как паж,
 Почти мужчиной мог назваться он;
 Но маменька его впадала в раж
 При этой мысли, подавляя стон:
 Уж в самом слове «зрелость», ей казалось,
 Ужасное значенье заключалось!

55

Среди ее бесчисленных друзей
 (Чьи качества описывать не стану)
 Была и донна Юлия. Ей-ей,
 Красавица без всякого изъяну!
 Все прелести присущи были ей,
 Как сладость — розе, горечь — океану,
 Венере — пояс, Купидону — лук...
 (Как Купидону лук! Преглупый звук!)

¹ Сказанного достаточно! (*лат.*)

56

Ее глаза, блиставшие пленительно,
 Могли на предков-мавров намекать.
 В Испании оно предосудительно,
 Но факты невозможно отрицать!
 Когда Гренада пала и стремительно
 Пустились мавры в Африку бежать,
 Прабабка донны Юлии осталась
 В Испании и вскоре обвенчалась

57

С одним идальго. Кровь ее и род
 Упомянуть, я думаю, не лестно:
 Досадного скрещення пород
 Не любят наши гранды, как известно,
 А потому они из года в год
 Берут себе в супруги повсеместно
 Своих племянниц, теток и кузин,
 Что истощает род не без причин.

58

Но это нечестивое скрещенье
 Восстановило плоть, испортив кровь.
 Гнилое древо вновь пошло в цветенье;
 Наследники дородны стали вновь,
 А дочери — так просто загляденье.
 (Мне, впрочем, намекали, что любовь,
 Законом не стесненная нимало,
 Прабабке нашей донны помогала!)

59

Сей обновленный род и цвел и рос,
 Давал побегу, листики и почки.
 Ему последний отпрыск преподнес
 Прекрасный дар в лице последней дочки:
 Она была прелестней всяких грез
 (Я говорил об этом с первой строчки),
 Милее розы и нежней зари
 И замужем была уж года три.

60

Ее глаза (охотник я до глаз!)
 Таили пламя гордости и счастья,
 Как темный полированный алмаз.
 В них было все: и солнце и ненастье;
 А главное, мелькало в них не раз
 Какое-то — не то что сладострастье,
 А тайное движение мечты,
 Разбуженной сознанием красоты.

61

На лоб ее прекрасный и открытый
 Ложились кольца шелковых волос,
 Румянец озарял ее ланиты,
 Как небеса — зарницы теплых гроз;
 Она была стройна, как Афродита:
 А статность — я хочу сказать всерьез —
 Особенно в красавицах ценю я:
 Приземистых толстухек не терплю я.

62

Вполне корректен был ее супруг
 Пятидесяти лет. Оно обычно,
 Но я бы променял его на двух
 По двадцать пять. Ты скажешь: неприлична
 Такая шутка? Полно, милый друг, —
 Под южным солнцем все звучит отлично!
 Известно, у красавиц не в чести
 Мужья, которым больше тридцати.

63

Печально, а придется допустить,
 Что вечно это солнце озорное
 Не хочет бедной плоти пощадить:
 Печет, и жжет, и не дает покоя.
 Вы можете поститься и грустить,
 Но сами боги в результате зноя
 Нам подают губительный пример.
 Что смертным — грех, то Зевсу — адюльтер!

64

О, нравственные северные люди!
 О, мудрый климат, где любой порок
 Мороз и успокоит и остудит!
 Снег, я слышал, Антонию помог...
 На севере любовников не судят,
 Но с них берут порядочный налог
 Судейские, признавшие недаром
 Порок довольно выгодным товаром.

65

Муж Юлии, Альфонсо, я слышал,
 Был — по своим годам — мужчина в силе;
 Их брак довольно мирно протекал,
 Зазорного о них не говорили.
 Он никогда жену не упрекал,
 Но подозрения его томили:
 Он, говоря по правде, ревновал,
 Но признаков того не подавал.

66

В нежнейшей дружбе — странный род влечения! —
 С Инесой донна Юлия была,
 Она, однако, не любила чтения,
 Пера же просто в руки не брала.
 Но, впрочем, я слышал предположенье
 (Хотя молва завистлива и зла),
 Что в юности Альфонсо и Инеса
 Окутывались облаком Зевеса.

67

И, сохраняя дружбу прежних дней —
 Конечно, в форме сдержанной и милой, —
 Инеса (этот метод всех умней)
 Его супругу нежно полюбила:
 Нежней сестры она бывала с ней
 И вкус Альфонсо каждому хвалила, —
 И сплетня, как живуча ни была,
 А укусить Инесу не могла.

68

Я сам не разобрался, видит Бог,
 Как Юлия все это принимала.
 Спокойно, без волнений и тревог
 Ее существование протекало,
 И вымысел смутить ее не мог,
 И ревности она не понимала:
 Не разрешала пагубных проблем
 И не делилась тайнами ни с кем.

69

Жуан любил, играя, к ней ласкаться.
 И в этом ничего плохого нет:
 Когда ей — двадцать, а ему — тринадцать,
 Такие ласки терпит этикет.
 Но я уже не стал бы улыбаться,
 Когда ему шестнадцать стало лет,
 Ей — двадцать три, а три коротких года
 Меняют все у южного народа!

70

И он переменялся и она:
 Они при встречах стали молчаливы,
 Он был смущен, а донна — холодна,
 И только взоры их красноречивы.
 Она понять бы, кажется, должна
 Значенье сей тревоги справедливой,
 А не выдавший моря Дон-Жуан
 Не сознавал, что видит океан!

71

Не холодность ее дышала тайной,
 И так тревожно нежная рука
 Руки Жуана словно бы случайно
 Касалась осторожно и слегка,
 Что юноша тоской необычайной
 Томился — бессознательно пока!
 Прикосновенья магия простая
 Опасней волшебства, я так считаю.

72

Она не улыбалась, но подчас
 Так ласково глаза ее блестели,
 Как будто скрытой нежности запас
 Жуану передать они хотели.
 Очаровать одним сияньем глаз
 Все женщины умеют и умели.
 Сама невинность прячется за ложь —
 Так учится притворству молодежь!

73

Но страсти беспокойное движенье
 Нельзя ни подавить, ни даже скрыть,
 Как в темном небе бури приближенье.
 Напрасно вы стараетесь хитрить,
 Подделывать улыбки, выраженья,
 Неискренние речи говорить:
 Насмешка, холод, гнев или презренье —
 Все это маски только на мгновенье.

74

Украдкой разгорающийся взор,
 Запретного румянца трепетанье,
 Рукопожатья ласковый укор,
 Смятенье встреч, томленье ожидания,
 Невинной страсти тайный разговор —
 Прелюдия любви и обладанья.
 Но ежели любовник — новичок,
 То для развязки надобен толчок.

75

Да, Юлии прекрасной состояние
 Опасно было — что и говорить, —
 Во имя веры, чести, воспитания
 Она его сперва хотела скрыть,
 Потом решила — странное желание,
 Способное Тарквиния смутить,
 Святой Мадонны попросить защиты,
 Поскольку тайны женщин ей открыты.

76

Она клялась Жуана не встречать,
 Но с маменькой его в беседе чинной
 Невольно не могла не примечать,
Кто открывает двери из гостиной.
 Не он... Опять не он... Не он опять!
 Вняла Мадонна женщине невинной,
 Но Юлия, внезапно став грустней,
 Решила впредь не обращаться к ней.

77

Должна ли добродетельная леди
 Пугливо убегать от искушенья?
 Уверенная в доблестной победе,
 Она его встречает без смущенья:
 В спокойных встречах, и в живой беседе,
 И в дружеском, живом нравоученье
 Она докажет юноше стократ,
 Что он ничуть не более, чем брат.

78

И даже если все же (бес хитер!)
 Проснется в сердце чувство поневоле, —
 Легко перебороть подобный вздор
 Раз навсегда простым усиьем воли.
 Пусть о любви напрасно молит взор:
 Простой отказ — одно мгновенье боли!
 Красавицы! Рекомендую вам
 Сей хитрый способ верности мужьям.

79

Притом ведь есть же чистая любовь,
 Какую сам Платон провозглашает,
 Какую херувимы всех сортов
 И пожилые дамы воспевают, —
 Гармония духовных голосов,
 Когда сердца друг друга понимают.
 От такой гармонии, друзья,
 Не прочь бы с донной Юлией и я.

80

В дни юности, далекой от порока,
 Влюбленность безыскусна и чиста:
 Сперва целуют руку, после щеку,
 А там, глядишь, — встречаются уста.
 Я это говорю не для упрека,
 Я верю, что невинна красота,
 Но если нарушают меру эту, —
 Моей вины, читатель, в этом нету!

81

Итак, решила Юлия моя,
 Любви запретной воли не давая,
 Жуану преподать — сказал бы я:
 Святую дружбу. Как на лоне рая,
 Он мог бы, чистой страсти не тая,
 Быть счастлив, безмятежно расцветая,
 И даже обучиться, — но чему —
 И ей неясно было и ему.

82

В кольчуге благородного решенья,
 Она теперь уверена была,
 Что ей уже не страшно искушенье,
 Что честь ее упорна, как скала,
 И что она, отбросив опасенья,
 Предаться чувству нежному могла
 К тому, о ком мечты ее пленяли...
 (Была ль она права, увидим дале!)

83

Что ничего плохого в этом нет,
 Она не сомневалась ни мгновенья:
 Жуан — дитя! Ему шестнадцать лет!
 К чему запреты, тайны, подозренья?
 Безгрешен сердца чистого совет.
 (Ведь жгли же христиане без стесненья
 Друг друга, ибо так, любой считал,
 И всякий бы апостол поступал.)

84

А ежели б Альфонсо вдруг скончался?..
 Хотя и в тайниках заветных грез
 Подобный случай ей не представлялся:
 Он вызвал бы потоки горьких слез!
 А если б он возможен оказался...
 (Для рифмы добавляю «inter pos»¹,
 Точнее — «entre nous»², чтоб ясно стало,
 Что по-французски Юлия мечтала.)

85

Но если б это все-таки стряслось
 (Лет через семь — и то не будет поздно), —
 Жуан бы подучился и подрос
 И мог бы жизнь рассматривать серьезно,
 И нашей донне долго б не пришлось
 Томиться вдовьей долей многослезной:
 Их дружбы серафическая связь
 Естественно бы в нежность развилась.

86

А что об этом думал мой Жуан?
 Волненьем непонятым пламенея,
 Он видел все сквозь розовый туман,
 Восторженный, как томная Медея
 Овидия, на грани новых стран.
 Он ожидал, предчувствием пьянея,
 Что очень скоро с ним произойдет
 Какой-то коренной переворот.

87

Задумчивый, тревожный, молчаливый,
 В тени дубрав блуждая как во сне,
 Своей тоской печальной и счастливой
 Томился он в блаженной тишине.
 (Живых страстей приют красноречивый —
 Уединенье нравится и мне.
 Точней — уединенье не монаха,
 А нежащегося в гареме шаха.)

¹ «Между нами» (лат.).

² «Между нами» (фр.).

88

«Когда, Любовь, о божество весны,
 Сливаешь ты покой и упоенье, —
 Ты царствуешь! Тебе покорены
 Блаженство и святое вдохновенье!»
 Стихи поэта этого сильны,
 Но странное он выражает мнение,
 «Сливая» «упоенье» и «покой» —
 Я помеси не видывал такой!

89

Мне непонятно это сочетание:
 Поэт хотел заметить, может быть,
 Что в мирном, безопасном состоянии
 Привыкли мы и кушать и любить...
 Об «упоенье» да еще «слиянье»
 Я даже не решаюсь говорить —
 Но о «покое» — возражаю смело:
 «Покой» в минуту страсти портит дело!

90

Жуан мечтал, блуждая по лугам,
 В зеленых рощах солнечного лета,
 Он радовался чистым ручейкам,
 И птичкам, и листочкам в час рассвета.
 Так пищу идиллическим мечтам
 Находят все любезные поэты,
 Один лишь Вордсворт не умеет их
 Пересказать понятно для других.

91

Он (но не Вордсворт, а Жуан, понятно)
 Прислушивался к сердцу своему,
 И даже боль была ему приятна
 И как бы душу нежила ему.
 Он видел мир — прекрасный, необъятный,
 Дивился и печалился всему
 И скоро вдался (сам того не чуя),
 Как Колридж, — в метафизику прямую.

92

Он думал о себе и о звездах,
О том, кой черт зажег в какой-то день их,
О людях, о великих городах,
О войнах, о больших землетрясениях,
Терялся в фантастических мечтах,
В заоблачных носился похождениях,
Вздыхая о луне, о царстве фей
И о глазах красавицы своей.

93

Иным присуще с отроческих лет
Такое свойство мыслить и томиться,
Но кто любовью тайною согрет,
Тот может этой страсти научиться.
Жуан привык, как истинный поэт,
В заоблачные сферы уноситься,
И томной жажде встретить идеал
Пыл юной крови очень помогал.

94

Он любовался листьями, цветами,
В дыханье ветра слышал голоса,
Порою нимфы тайными путями
Его вели в дубравы и леса.
Он, увлеченный нежными мечтами,
Опаздывал на два, на три часа
К обеду — но не сетовал нимало:
Еда его почти не занимала!

95

Порою он и книги открывал
Великих Гарсиласо и Боскана:
Какой-то сладкий ветер навевал
От их страниц мечты на Дон-Жуана,
В его груди волнение вызывал
Их нежный бред, как сила талисмана.
Так вызывают бури колдуны
В наивных сказках милой старины.

СОДЕРЖАНИЕ

ПОСВЯЩЕНИЕ	5
ПЕСНЬ ПЕРВАЯ	10
ПЕСНЬ ВТОРАЯ	66
ПЕСНЬ ТРЕТЬЯ	121
ПЕСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ	152
ПЕСНЬ ПЯТАЯ	182
ПРЕДИСЛОВИЕ (к шестой, седьмой и восьмой песням)	222
ПЕСНЬ ШЕСТАЯ	225
ПЕСНЬ СЕДЬМАЯ	256
ПЕСНЬ ВОСЬМАЯ	278
ПЕСНЬ ДЕВЯТАЯ	314
ПЕСНЬ ДЕСЯТАЯ	336
ПЕСНЬ ОДИННАДЦАТАЯ	358
ПЕСНЬ ДВЕНАДЦАТАЯ	381
ПЕСНЬ ТРИНАДЦАТАЯ	404
ПЕСНЬ ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ	432
ПЕСНЬ ПЯТНАДЦАТАЯ	458
ПЕСНЬ ШЕСТНАДЦАТАЯ	483
ПЕСНЬ СЕМНАДЦАТАЯ	516
Примечания Байрона	520
Комментарии. <i>Н. Дьяконова</i>	529

Литературно-художественное издание

ДЖОРДЖ ГОРДОН БАЙРОН
ДОН-ЖУАН

Художественный редактор Валерий Гореликов
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Алексея Положенцева
Корректоры Елена Орлова, Станислава Кучепатова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

Подписано в печать 05.12.2016.
Формат издания 75 × 100 ¹/₃₂. Печать офсетная.
Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 25,2. Заказ №

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
119334, г. Москва, 5-й Донской проезд, д. 15, стр. 4
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)
Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат»
143200, г. Можайск, ул. Мира, д. 93
www.oaompk.ru, www.oaompk.pf
Тел.: (495) 745-84-28, (49638) 20-685

YAKB1647802R

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ
ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве:

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01,

факс: (495) 933-76-19

e-mail: sales@atticus-group.ru;

info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге:

Филиал ООО

«Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55,

факс: (812) 327-01-60

e-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве:

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01

e-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах:

www.azbooka.ru,

www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей

и творческого сотрудничества

размещена по адресу:

www.azbooka.ru/new_authors/